

Глава 5

Раз взяли — уже хорошо. У Чао Цы не было права привередничать, поэтому он с радостью согласился.

Чао Цы честно пытался подготовить себя к трудностям, но для избалованного юного господина, восемнадцать лет прожившего в неге и заботе, любые моральные усилия меркли перед лицом суровой реальности. Одно дело — решиться на лишения, и совсем другое — внезапно оказаться на самом дне, выполняя самую грязную и тяжёлую работу.

За время странствий он научился кое-как готовить, но егостряпня годилась лишь на то, чтобы не умереть с голоду — до уровня трактирного повара ему было бесконечно далеко. Поэтому в заведении на него взвалили всё остальное: таскать воду, разносить подносы, мыть посуду и колоть дрова. Только теперь Чао Цы узнал, насколько тяжёлым может быть коромысло с двумя полными вёдрами. После третьего захода плечи растёрло до крови, но юноша даже не заметил этого — у него просто не было времени осматривать раны. Он лишь молча стискивал зубы и шёл за следующей парой вёдер.

Плечи нещадно ныли, дерево коромысла впивалось глубоко в плоть. Ноги подкашивались, а ступни горели от каждого шага.

Часть принесённой воды уходила на мытьё посуды. В огромных чанах его ждали сотни грязных плошек. Началась зима, и в Северных землях то и дело пускался мелкий снег. Стоило Чао Цы опустить руки в воду, как их тут же пронзила ледяная стужа. Спустя час ладони стали ярко-красными и совершенно потеряли чувствительность.

Когда рабочий день подходил к концу, ему нужно было вывезти и вылить помои. Юноша тащил тяжёлую телегу, и его ноги, и без того измученные утренним бегом с вёдрами, вновь отозвались острой болью. На полпути он почувствовал, что подошвы скользят по подмёрзшей земле.

Он тянул телегу из последних сил, сцепив челюсти, а глаза его медленно наполнялись влагой.

В трактире он не смел плакать, хотя боль пронзала до самого сердца. Чао Цы боялся, что управляющие увидят его слабость и вышвырнут вон, лишив этой с трудом добытой работы. Но сейчас, когда вокруг не осталось ни души, а мир погрузился в глухую тьму, он больше не мог сдерживаться.

Слёзы крупными каплями катились по щекам, переходя в тихие, судорожные всхлипы.

И всё же он твердил себе:

«В этом нет ничего страшного. Из-за такого не плачут»

В смутные времена слёзы и мягкосердечие не стоят и гроша. Он потерял отца и старшего брата, и теперь единственное, что ему оставалось — уберечь себя и А-Яо.

Закончив работу, Чао Цы вернулся в их жилище.

Это был скромный, но вполне опрятный кирпичный домик. Как бы тяжело ни приходилось с деньгами, юноша помнил наказ лекаря: Цзинь Яо нельзя находиться в сырости и холоде. Поэтому, скрепя сердце, он арендовал это жильё.

Когда он вошёл, Цзинь Яо всё ещё лежал в постели. Болезнь окончательно измотала его, и в последние дни ему было трудно даже просто подняться.

— Ты вернулся, — Цзинь Яо услышал скрип двери и с заметным усилием сел на кровати.

Чао Цы поспешно подбежал, чтобы поддержать его.

— А-Яо, как ты себя чувствуешь сегодня?

Одновременно с вопросом он бросил взгляд на столик у кровати. Миска с кашей и закуски стояли нетронутыми — Цзинь Яо почти ничего не съел. Эту еду юноша приготовил и оставил ему ещё утром.

Чао Цы тревожно нахмурился:

— Почему ты ничего не ел? Разве так можно?

— Совсем нет аппетита, — ответил Цзинь Яо.

Он не притворялся — его человеческая оболочка была на грани истощения. Любая пища казалась ему безвкусной, точно жевал солому, и вызывала лишь приступы тошноты. Цзинь Яо, привыкший за миллионы лет к полному воздержанию от еды, и в здравии с трудом заставлял себя принимать земную пищу, а теперь и вовсе не мог её проглотить.

Не желая продолжать этот разговор, он перевёл тему:

— Как прошёл твой день?

— Очень хорошо! — Чао Цы улыбнулся. — Я умею ладить с людьми, так что хозяйка и управляющие ко мне добры. Мне дают только лёгкие поручения. Так что теперь мы точно не пропадём.

Цзинь Яо внимательно оглядел его. Пальцы юноши были красными и в кровоподтёках, а глаза — припухшими. Наверняка и под одеждой скрывалось немало ран.

Цзинь Яо поджал губы, чувствуя странную, непривычную тяжесть в груди.

«Столько вытерпеть — и ни слова не сказал, когда вернулся... Неужели он думает, что сможет и дальше притворяться?»

Чао Цы не дал ему возможности развить эту мысль. Он весело прищурил свои миндалевидные глаза:

— Пора ужинать. Я сейчас приготовлю что-нибудь свежее и принесу лекарство. После еды тебе нужно немного походить — лекарь говорил, что постоянный покой тоже не идёт на пользу.

Цзинь Яо лишь молча кивнул.

Спустя время Чао Цы вернулся с подносом. Он поставил еду на стол и помог супругу пересесть на стул, набросив ему на плечи тёплое верхнее платье. Сев напротив, юноша заметил, что Цзинь Яо не сводит с него глаз.

— А-Яо, почему ты так на меня смотришь? Ешь скорее, пока не остыло.

Вместо ответа Цзинь Яо внезапно протянул руку и коснулся пальцами его щеки. Чао Цы замер, коснувшись своего лица в том же месте.

— Что... что случилось?

— Сажа, — коротко бросил Цзинь Яо.

Чао Цы неловко почесал затылок:

— Наверное, случайно задел, пока возился у печи.

Он учился поварскому делу всего несколько дней, и труднее всего ему давалось разведение огня. В первый раз он чуть не расплакался от едкого дыма, и хотя теперь справлялся лучше, копоть всё равно оставалась его верным спутником.

Взгляд Цзинь Яо стал сложным. Когда-то этот мальчишка не признавал никакой одежды, кроме шёлка, и никакой еды, кроме изысканных яств. Его окружала толпа слуг, и никто не смел перечить ему ни в чём...

Проработав какое-то время, Чао Цы понял, что заработка в трактире катастрофически не хватает. Лекарства для Цзинь Яо не были запредельно дорогими, но и дешёвыми их назвать нельзя, а принимать их нужно было ежедневно, без пропусков.

Вспомнив, что он хоть и не блещет талантами, но грамоте обучен и пишет вполне сносно, он обошёл несколько книжных лавок и, проявив недюжинное упрямство, сумел выпросить заказы на переписку свитков.

Теперь каждый вечер, уложив Цзинь Яо и закончив все домашние дела, Чао Цы зажигал лампы и писал до глубокой ночи, ложась лишь в середине часа Быка. А уже в четверть часа Кролика ему нужно было вставать, наспех готовить завтрак для А-Яо и бежать в трактир.

Однажды ночью Цзинь Яо лежал в постели, наблюдая за тусклым мерцанием лампы. Он знал, что Чао Цы сидит за столом и переписывает очередной свиток. Он не понимал, почему этот юноша делает для него так много. За последний год он сам почти не дарил ему добрых слов или улыбок.

Цзинь Яо приподнялся и откинул полог кровати, молча глядя на склонённую фигуру. Чао Цы поднял голову и, заметив его взгляд, поспешно произнёс:

— А-Яо, ложись скорее. Недосып вреден для твоего здоровья.

— Ты и сам это прекрасно знаешь, — отозвался Цзинь Яо.

Чао Цы замер.

Под глазами юноши залегли глубокие тени, резко выделяясь на бледном лице, а в белках глаз виднелась сеточка лопнувших сосудов. Его тело работало на пределе возможностей. С приходом холодов руки молодого человека покраснели и распухли так, что ему стало трудно даже держать кисть.

Когда Чао Цы переодевался, Цзинь Яо видел его плечи — сплошные синяки и запекшаяся кровь.

— Чао Цы, — Цзинь Яо опустил взгляд и тихо произнёс: — Оставь меня. Тебе не нужно так надрываться.

Даже если бы его семья погибла, Чао Цы в одиночку мог бы прожить куда легче, не обременяя себя заботой о больном. Раньше Цзинь Яо не задумывался об этом. Он не понимал причин такой преданности, но раз уж он должен был пройти испытание любовью, ему необходимо было оставаться рядом.

Однако он никогда не думал, что сам почувствует нечто вроде жалости к смертному.

Услышав его слова, Чао Цы резко изменился в лице:

— А-Яо, что за глупости ты говоришь? Ты мой супруг, и заботиться о тебе — мой долг и естественное желание. Больше никогда не произноси ничего подобного. — Его тон стал непривычно суровым.

Поняв, что сорвался, Чао Цы тут же смягчился. Он подошёл, помог Цзинь Яо лечь и ласково утешил:

— Я знаю, ты беспокоишься обо мне и не хочешь, чтобы я страдал. Но пока ты рядом, любые трудности мне в радость. Если же тебя не будет, и ты окажешься где-то один, терпя нужду... даже если я вернусь к жизни господина, я никогда не буду счастлив.

Цзинь Яо долго смотрел на него, не проронив ни слова.

Чао Цы вдруг лукаво прищурился и улыбнулся:

— А-Яо, если действительно хочешь меня отблагодарить, позволишь мне тебя поцеловать?

Ему и самому было немного неловко. Они были женаты больше года, но между ними не было даже поцелуя. Он предложил это просто так, не надеясь на согласие.

Но Цзинь Яо медленно кивнул.

Глаза Чао Цы вспыхнули:

— Тогда я целую! И чур не передумывать!

Словно боясь, что супруг изменит решение, он быстро прикоснулся губами к его губам. После этого, сияя так, будто сорвал немыслимый куш, он радостно вернулся к столу.

— А-Яо, спи скорее! — весело наказал он.

«Глупец», — пронеслось в мыслях Цзинь Яо.

Так прошло ещё несколько месяцев. Как бы трудно ни было, Чао Цы держался.

Изначально они бежали в Даюэ, надеясь на мир, но в эпоху великого хаоса ни один уголок земли не мог оставаться спокойным. Война пришла и сюда. А следом за ней — великая засуха и мор.

Чао Цы хотел бы уехать, но во всех Одиннадцати провинциях едва ли осталось безопасное место. Ему ничего не оставалось, как держаться за этот маленький городок. Жизнь становилась всё тяжелее и опаснее, но он продолжал бороться.

Юноша думал:

«Даже если нам суждено погибнуть, я должен уйти первым, чтобы А-Яо не остался один»

В один из дней небо внезапно содрогнулось от яростных раскатов грома. Грохот был такой силы, что Чао Цы подпрыгнул на месте, а сама земля под ногами задрожала. Юноша хотел выбежать на улицу, чтобы посмотреть, что происходит, но взгляд лежавшего в постели Цзинь Яо внезапно стал острым и ледяным. Он резко обернулся к окну.

Несмотря на то, что его божественная сила была запечатана, он почувствовал мощнейший прилив ауры яомо.

В мир явился великий демон! Царство демонов (яомо) окончательно пало!

Лицо Цзинь Яо изменилось. Он волевым усилием сорвал печати со своей божественной мощи.

В комнату ворвался яростный вихрь, собираясь за спиной Чао Цы. На тысячи ли вокруг пригнулись травы и взревел ветер!

Чао Цы обернулся и замер: перед ним стоял человек.

До боли знакомый и в то же время — совершенно чужой.

<http://bllate.org/book/15361/1372896>